

О некоторых аспектах исследования древних мифологий

Осинцев А.В.

Мы привыкли принимать существование определенных мифов в той или иной культуре как более или менее данное. Время, когда еще казалось возможным предложить рационалистические объяснения их происхождения, отошло в прошлое, и мы научились нехотя соглашаться с тем фактом, что мы почти ничего не знаем о том, как возникли мифы.

Ф.Б.Я. Кёйпер

Исследование мифологии в XX веке пришло к декларированию идеи о том, что миф не является просто заблуждением первобытного разума, но он есть результат неких сущностно важных явлений. Проблема понимания мифологии, тем не менее, не стала яснее: для каждого исследователя заявленный тезис наполнен своим содержанием. Для Леви-Строса миф отражает реальные важные отношения в первобытной группе, выраженные в системах классификаций. Для Фрейда и Юнга, миф есть продукт некой психической реальности. Для Кассирера мифология – способ объективации мира и выделения самого субъекта, исток религии, науки, искусства, морали. И т. п. Однако следует отметить тот факт, что, признавая подлинность и большую значимость для человека мифологических явлений, исследования часто подразумевают и имеют своим постулатом ту или иную ошибку в мыслительных и т. п. операциях которая привела к возникновению мифологии. Такое положение не совсем точно отражает не столько даже сущность, сколько влияние мифических образов на человека. Здесь речь не идет об отказе признавать ошибочность некоторых мифологических построений или связей с точки зрения логики (они, несомненно, есть), но являются ли такие ошибки сущностью мифологического знания? Ретроспективный взгляд на науку обнаруживает массу ошибочных умозаключений и концепций, не смотря на то, что ученый, в отличие от человека архаических культур, вооружен знанием строгих логических законов. Ошибочность, большая или меньшая, является характерной чертой человеческого мышления в целом и определение ошибочности мифологических построений, как специфической черты именно этой области, скорее приводит к нахождению основания для возвышения над мифологией, нежели приближает нас к адекватному ее пониманию. Современное состояние знания не является конечным, и всегда остается вероятность, того, что наша логика и наше незнание о духовном мире, в неопределенном будущем, вызовет лишь сожаление.

Необходимо уточнить свою позицию. Речь здесь идет не о том, чтобы отказаться от теорий, так или иначе, выявляющих ошибочность каких-либо мифологических идей, или теорий, которые посвящены исследованию структур мифа и его языка. Необходимо лишь чтобы нас не оставляло понимание того, что всякая теория мифа охватывает только некоторую часть, сторону, того явления, которое называется древняя мифология. Преуспев в вышеозначенных областях, необходимо продвигаться дальше, чтобы в действительности попытаться понять те области мифа, которые невозможно понять исходя из

предположения о наличии в их основании некой ошибки, или из формального изучения мифологических структур

Мифология рождается не только из способности оперировать образами, но, прежде всего из самих образов. Отсутствие понятий, казалось бы, объясняющее возникновение образов, не может убедительно объяснить силу и бессмертие последних. И только если мы разгадаем сами образы, их природу, мы поймем глубинные истоки и сущность мифологии. Уже сейчас становится понятным, что сущность мифологии не в ошибочности, а в снятии этой поверхностной ошибочности, снятии слабости мышления через мощные образы. Теории, основывающиеся на манипуляции образами, удовлетворительно объясняют лишь ошибочность оснований этого манипулирования, но не сами образы, точнее то, что скрывается под этим понятием, которое представляется, в лучшем случае, в облике метафор, в смысле представления одного образа через другой. Рассмотрение образа как метафоры – не объясняет глубинной сущности того, что мы называем образом. Выявление Бинарных оппозиций и механизма их снятия через медиаторы явилось, несомненно, важным открытием в исследовании мифологии, однако оно есть лишь часть знания о мифе. Само выявление диад, поиск медиаторов и установление триад конечно важно: да, шумерский Нинурта может рассматриваться как медиатор между Аном и Энки, но важно не только это – важно, кто этот Нинурта, что он делает помимо этой связи. Здесь вскрывается нечто большее: Нинурта – божественный герой-юноша, который, при поддержке Энки, сражается на вершине горы со змеем, герой который, по-видимому, не случайно именован юношей, на шумерском – «мес», ибо «мес» – так же священное древо-«мес» – «мыльный корень», «лестница Ана», «великий штандарт, в абзу растущий». Именно это единство «имен» (и, пожалуй, ничто больше) позволяет нам уверенно говорить о связи Нинурты с образом космогонического древа, и его положение между Аном и Энки становится подтверждением этой гипотезы лишь с данного момента.

Исследования в области структуры, через которую объясняются ее элементы, сами по себе, не приносят полноценного результата в постижении мифологии. Структура, конечно, позволяет нам прояснить конкретный вариант, который принимает образ, или социальную организацию, связанную с мифологией, однако не структура, а образы являются теми самыми сгустками информации, которые так тревожат человеческую душу и структура здесь является, все же, чем-то вспомогательным, хотя и существенно влияющим на конкретизацию образа. К тому, же использование системно-структурных реконструкций не обязывает нас абсолютизировать их, ставить их выше образа.

Теория архетипа и коллективного бессознательного в Юнговом варианте, возможно, является лишь гениальной догадкой. Мы по-прежнему не знаем, чем являются указанные явления. Более того, теория архетипов имеет исторический характер и подчас вступает в противоречие с фактами при ее исторической конкретизации (приписывание образов яйца, змеи, андрогинов начальным стадиям мифотворчества [См.: Нойман Э. Происхождение и развитие сознания.

М., 1998. С. 31], тогда как они четко фиксируются не ранее неолита-бронзы, и, наоборот, приписывание идеи экзогамии поздней стадии, тогда как это явление уходит в неопределенно глубокую древность). Попытки объяснить архетипы через инварианты биосоциальной организации трактуют о социальном основании архетипов, и соответственно о социальных пластах (и нуждах) мифологии [См.: *Найдыш В.М.* Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М., 2004. С. 528–533], и только. Образы, не названные архетипическими, из прямого исследования выпадают, и искусственно помещаются в рамки заданных Юнгом архетипов. Не объясняется несоциальная часть мифа и несоциальная сила действия образов на человека. И если у Юнга (с его тайной архетипа) еще оставалось нечто находящееся в области несоциальной значимости и воздействия на человека, то у Найдыша оно исчезло. Природа непонятной силы образа исчезла из исследования. Природа этой непонятной силы скрывается не в самом принципе метафоры, как обозначения одного через другое, а в чем-то ином. Метафора здесь (в лучшем случае) лишь указывает путь, ведущий к пониманию, когда под явным – поверхностным подразумевается сокровенное – тайное – глубинное.

Одной из областей мифологии, которую невозможно объяснить из некой ошибки, стоит обратиться к космогоническим мифам, посвященным образам древа, горы и змееборца, казалось бы, хорошо известным, однако редко исследовавшимся систематически. Из их исследователей, пожалуй, больше всех преуспел Ф.Б.Я. Кёйпер, однако его внимание было поглощено, исследованием вед, а его идеи в данной области, были сформулированы не явно, а более в виде некоторых недосказанностей. Если суммировать все сказанное, то образы древа, горы и змееборца не существуют отдельно – они теснейшим образом связаны между собой в единой неразрывной системе. Само по себе, это выглядело не более, чем частная ситуация ведийской системы, однако обращение к другим мифологиям, показало наличие не просто тех же образов (о чем было известно давно), но той же системы с теми же элементами, в том числе с теми, что выглядели случайными, будучи взятыми в отдельности. Стало ясно, что от взгляда на образы древа и горы как на изоморфные [См.: *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2х тт. М., 1998. Т. 1. С. 398], по-видимому, следует отказаться не только в отношении специфической ведийской традиции, как это удачно было показано Кёйпером [*Кёйпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 29, 30, 157 и др.], но так же и в отношении многих других мифологических систем. Стало ясно, что древо и гора не заменяют друг-друга: древо нуждается в горе, как месте размещения жизни, появление же горы становится осмысленным только тогда, когда на ней прорастает древо – то есть жизнь. Герой-змееборец, неразрывно связан вышеозначенными образами и не только потому, что он совершает свой подвиг на вершине горы, или потому, что в результате подвига произрастает некое древо, или еще от того, что его оружие может быть соотнесено с деревом, но потому, что он сам, по крайней мере, в момент своего подвига, является ни чем иным, как деревом, или же тем, из чего древо произрастает. Мотив хитрости

героя-змееборца, традиционно рассматривавшийся как нечто наивное [Герни О.Р. Хетты. М., 1987. С. 163], настойчиво воспроизводящийся от мифа к мифу, по-видимому, так же является важной неотъемлемой частью космогонических мифов о древе, горе и подвиге змееборца – мотив, который становится понятнее, в свете традиции арийского новогоднего словесного поединка (индейский миф о споре ворона и галки здесь не приводится как недостаточно изученный автором). В различных мифологиях, то полностью, то рудиментарно, проявляется странный ряд: древо-нога-фаллос-оружие змееборца, исследование которого с позиции простого вымысла не дает, по существу, ничего, кроме банальностей. Указанное сходство группы мифов не есть лишь заблуждение или простая выдумка архаического человека в процессе объяснения мира. Строгое неразрывное соединение между собой элементов мифа, в том числе тех, что кажутся второстепенными, незначительными (будучи взятыми в отдельности) есть указание не просто на внешнее сходство и случайную повторяемость, но на существование некой устойчивой системы образов, заключенных в мифах, принадлежащих рассматриваемой группе.

Важно отметить то, что отличает данный подход от структурализма Леви-Строса. Здесь образы не являются чем-то второстепенным, подчиненным структуре. Система, конечно, позволяет лучше понять скрытое содержание образов, но оно зависит от места этих образов в системе не абсолютно: система лишь, так или иначе, раскрывает содержание, им присущее. То, что Нинурта, по-видимому, имеет непосредственное отношение к древу, а Энлиль – к горе, которого традиционно считают на основании перевода его имени Владыкой-ветром, вытекает не из их положения в системе мифа, а из их эпитетов (на которые никто не обращал пристального внимания), в специфической группе новогодних текстов [Осинцев А.В. О системе шумерского мифа о древе и горе // История. Право. Образование: мат. II науч. конф. Ч. II. Нижний Тагил, 2006. С. 38, 39].

Объем данной статьи не позволяет подробно продемонстрировать действие установки на поиск истинной информации в исследовании мифологии, а так же применения данного метода. Однако, необходимо указать на некоторые существенные идеи, которые привнесены из мифологии в современность, которые свидетельствуют в пользу оправданности такой установки. Здесь не имеет смысла подробно говорить о применении антропного принципа (мифологического по своему существу) в современной науке или о внелогическом (мифологическом) механизме совершения научных открытий, что весьма удачно изложено у А.Ф. Косарева [См.: Косарев А.Ф. Философия мифа. М., 2000. С. 104, 264, 265]. Не говоря уже о парадоксальности такого положения вещей, при котором наука (обладающая строгой системой мышления и доказательств, в отличие от мифологического сознания) в реконструкции ранних стадий существования нашей планеты, в самых общих чертах, по существу, просто воспроизводит те же состояния, что содержат древние космогонии, порожденные мифологическим сознанием. Необходимо обратить внимание, по крайней мере, на две важные для данного изложения

идеи, что, в числе прочего, содержат мифы о древе, горе и подвиге змееборца. Первая из них является «осознанием» идеи жизни, как некой всеоживляющей силы и, одновременно, меры и смысла пространства, для которой пространство и создается. Иными словами, мифологическое мышление неизмеримо раньше, нежели научное, приходит к пониманию всеобщей взаимосвязанности элементов мира и хрупкости баланса этих элементов. Это проявилось в рассматриваемых календарных мифах, как необходимость вспоможения обновлению мира, вспоможения возрождения, победы жизненных сил, над состоянием инертного хаоса. Мифологическое сознание впервые выделило категорию «жизнь», как качественную характеристику наиболее важного явления и процесса для человеческого бытия, сущность которых, в отличие от химических процессов, остается, по крайней мере, пока, существенной проблемой для современной науки. Вторая – та, что в наше время звучит как статичность греха или состояние «само-тождества», по П.А. Флоренскому [Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Собр. соч. В 2-х т. М. 1990. Т. I. С. 177, 178]. Последняя подразумевает как макро- так и микрокосмические аспекты. В первом смысле она означает, что наш мир существует только потому, что в нем есть движение (хотя сумма всех движений во вселенной, как и сумма всех направлений этого движения, равна нулю). Во втором – греховен отказ от развития и саморазвития. Все это подталкивает нас к тому, чтобы попытаться в дальнейшем придерживаться обозначенного направления в изучении мифологии. Однако, здесь мы, скорее всего, столкнемся с тем, что исследование мифа с позиции поиска в нем истины представляет, пожалуй, наибольшую трудность, ибо он может оказаться приближением к высшим истинам. Что если миф действительно являет собой максимальное приближение к истине, которую нельзя выразить словами? В таком случае, мы, будучи лишены специфических мифологических техник постижения, будем вести свое исследование осязательно, и успех наших исследований, может стать, окажется не столь велик, как мы предполагали. Единственное, что может вдохновлять в такой ситуации – то, что наше стремление к подлинному пониманию явления, которое называется древними мифами, выглядело бы неубедительным без действительно всестороннего его изучения.